

та страховой суммы находится в прямой зависимости от причинения вреда конкретным источником повышенной опасности.

Список использованной литературы:

1. Цивільний кодекс України: Прийнятий 16 січня 2003 р. – К.: Істина, 2003. – 368 с.
2. Закон України «Про страхування» від 7 березня 1996 року // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 18. – Ст. 78.
3. Господарський кодекс України: Офіційний текст. – К.: Кондор, 2004. – 208 с.
4. Закон України «Про об'єкти підвищеної небезпеки» від 18 січня 2001 року // Відомості Верховної Ради України. – 2001. – № 15. – Ст. 73.
5. Закон України «Про обов'язкове страхування цивільно-правової відповідальності власників наземних транспортних засобів» від 1 липня 2004 року // Відомості Верховної Ради України. – 2005. – № 1. – Ст. 1.
6. Закон України «Про охорону навколишнього природного середовища» від 25 червня 2001 року // Відомості Верховної Ради України. – 1991. – № 41. – Ст. 546.
7. Харитонов С. О. Цивільне право України / С. О. Харитонов, О. І. Харитонова, О. В. Старцев. – Вид. 3-тє, переробл. і допов. – К.: Істина, 2011. – С. 431, 435, 436.
8. Цивільне право України. Підручник у 2 т. Том 2 / За заг. ред. В. І. Борисової, І. В. Спасибо-Фатєєвої, В. Л. Яроцького. – К., 2007. – С. 270.
9. Никифорак В. М. Договір страхування відповідальності: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В. М. Никифорак. – Київ, 2002. – С. 55, 7, 17.
10. Постанова Пленуму Верховного Суду України «Про практику розгляду судами цивільних справ за позовами про відшкодування шкоди» від 27 березня 1992 року № 6.
11. Голубь П. С. Страхування відповідальності владельців источников повышенной опасности: Автореф. к. ю. н.: 12.00.03 / П. С. Голубь. – Москва, 2006. – С. 7, 8, 15.
12. Козин А. Е. Существенные условия договора страхования гражданской ответственности по российскому законодательству: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А. Е. Козин. – М., 2011. – С. 13, 8, 16.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ: НОРМОЛОГИЧЕСКИЙ И ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Олег ТАРАСОВ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article is devoted to the analysis of international legal personality of subnational territorial units (SNTU) as through the issue of traditional international legal normology as through the issue of international legal personology which is the brand new course of legal researches. The author makes the conclusion about a complemented character of international legal personality of SNTU which act in international legal order due to their national legal status as original subjects of the domestic law, have personative legal form of national legal body.

Key words: international legal personality, subject of international law, subnational territorial units, international legal personology.

Аннотация

Статья посвящена анализу международной правосубъектности субнациональных территориальных единиц (далее – СНТЕ) как с традиционных позиций международно-правовой нормологии, так и с позиций международно-правовой персонологии как нового направления юридических исследований. Делается вывод о комплементарном характере международной правосубъектности СНТЕ, которые действуют в пределах международного правопорядка в рамках своего национально-правового статуса как оригинальные субъекты национального права, обладающие персонативной правовой формой национального публичного юридического лица.

Ключевые слова: международная правосубъектность, субъект международного права, субнациональные территориальные единицы, международно-правовая персонология.

Постановка проблемы. Для науки международного права (далее – МП) уже более трёх сотен лет остаются дискуссионными проблемы международной правосубъектности. Начиная, как минимум, со времён Г.В. Лейбница [1, с. 29–84] и до настоящего времени [2, с. 1–44, 3, с. 5–28] исследователи не могут прийти к единому мнению относительно круга субъектов МП. Особое место среди участников международных правоотношений занимают субнациональные территориальные единицы (далее – СНТЕ).

Актуальность темы исследования. Одним из проявлений демократичности и плюралистичности международно-правового сообщества XXI в. является широкая деятельность разнообразных СНТЕ – субъектов федераций, автономий, регионов, мегаполисов и т. п. Однако злоупотребление правом на международно-правовую деятельность СНТЕ может привести к негативным последствиям для международного правопорядка в форме сепаратизма, грубых нарушений прав человека и др. Для предотвращения данных правона-

рушений наука и практика МП должны чётко осознавать юридическую природу СНТЕ.

Состояние исследования. Международно-правовым статусом СНТЕ занимались такие зарубежные исследователи, как Л. Бранде, Е. Декё, П.-М. Дюпуи, Т. Коле, М.Т.П. Иггелсиас, Е. Преведуро, Х.-Дж. Уибопуу, Дж. Хопкинс и др. Среди советских авторов необходимо указать И.П. Блищенко, Ю.П. Бровка, Г.Ш. Катамадзе, В.А. Качанова, Е.Л. Куришко, А.Н. Михайлова, Х.К. Пожарского, М.В. Яновского и др. На постсоветском пространстве данной проблематикой занимаются М.Ю. Алексеев, М.А. Баймуратов, В.В. Белевцева, П.Н. Бирюков, Г.М. Вельяминов, А.В. Задорожный, М.В. Ксенофонтова, Н.А. Надирадзе, В.В. Пустогаров, В.Л. Толстых и др. Однако нормоцентристский подход не позволяет в полной мере раскрыть персонативную природу СНТЕ как специфических субъектов МП.

Целью и задачей статьи является рассмотрение международной правосубъектности СНТЕ как с традиционных позиций международно-

правовой нормологии, так и с позиций международно-правовой персонологии [4, с. 202] как нового направления юридических исследований.

Изложение основного материала. Многообразие СНТЕ как социальных акторов приводит к тому, что в юридической науке до сих пор нет обобщающего термина, охватывающего все разновидности данных участников международных отношений. В работах используются выражения «нецентральные правительства», «местная власть», «местное самоуправление», «органы местного самоуправления», «территориальная община» и т. д. Подобная терминологическая разногласия указывает на нерешенность проблемы социологического критерия носителя международной правосубъектности. Помимо прочего, это сказалось и на процессе международного правотворчества, когда потребовалось найти наименование международным договорам, касающихся СНТЕ. Сегодня используются несколько неопределенные категории «местного самоуправления» (Европейская Хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 г. (далее – ЕХМС) [5], «местных властей», «территориальных сообществ» (Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 21 мая 1980 г. (далее – ЕРКПСТСВ) [6], которые не являются четкой идентификацией социальных акторов. Как представляется, термин «субнациональная территориальная единица», который уже широко используется в политологии и экономической науке, вполне применим и в правоведении.

Следующая проблема касается дискуссионности социальной природы СНТЕ. Многообразие форм демократии проявляется и на субнациональном уровне, где плюрализм и динамичность местного и регионального самоуправления, а также феномены федерализации и децентрализации отражают противоречивые процессы в глубине самого гражданского общества и его взаимоотношений с местной и центральной (государственной) властью. Кроме того, существуют общества, где отсутствует местное самоуправление как таковое (например, Северная Корея). Всё это находит свое отражение в многочисленных юридических концепциях местного самоуправления, субнационального регионализма, федерализма и др. Доктрина и само действующее МП не навязывают какой-либо конкретной

модели организации СНТЕ всему международному сообществу. Данная сфера касается исключительно внутренней компетенции государств. Следовательно, социальная природа СНТЕ обусловлена той моделью построения общества, которая принята на конституционном уровне каждым отдельным государством. Непосредственное отношение к этому имеет политико-правовой режим, форма правления, государственное устройство и иные характеристики суверенного правового лица.

Многообразие национально-правовых статусов СНТЕ приводит к тому, что в международные отношения вступают участники с различным объемом прав и обязанностей. Это затрудняет какую-либо кодификацию МП относительно СНТЕ. Например, в ходе работы Комиссии МП ООН и Венской конференции по праву международных договоров 1968–1969 гг. было предложено включить в текст будущей Конвенции следующее положение: «Государства – члены федеративного союза могут обладать правоспособностью заключать договоры, если такая правоспособность признается федеральной конституцией и не выходит за установленные ею пределы» (ст. 5.2) [7, с. 134]. И хотя соответствующее положение так и не вошло в текст Венской конвенции о праве международных договоров, тем не менее, представляется, что оно уже обрело обычно-правовой характер. Как отмечает Н.А. Надирадзе, «учитывая довольно большое количество соглашений с участием субъектов федерации, можно говорить о существовании в международном праве обычая, разрешающего международную деятельность субъектов федерации» [8, с. 68]. Более того, это касается не только субъектов федераций, а в целом всех категорий СНТЕ.

В качестве доказательства существования обычной нормы МП, касающейся статуса СНТЕ, возможно привести следующие аргументы.

При обсуждении как в Комиссии МП ООН [9, с. 251], так и в ходе Венской конференции по праву международных договоров не исключалась в принципе международная договорная правоспособность субъектов федераций. Нежелание включить соответствующее положение в текст Конвенции объяснялось политическими мотивами, связанными с уникальностью членства советских республик в ООН, а также с опасением порождения

трудностей для федеральных государств. Вся последующая международно-правовая практика за последние полстолетия указывает на расширение и углубление международно-правового сотрудничества разнообразных категорий СНТЕ. Государства не выступают против самой возможности СНТЕ быть участниками международных правоотношений. Спорные вопросы вызывает на практике лишь объем международно-правового статуса конкретной СНТЕ. Происходит это в тех случаях, когда национальный правопорядок, по каким-либо причинам, четко не определяет разграничение полномочий между самим государством и его СНТЕ в сфере международного сотрудничества [10]. Для урегулирования подобных проблем государства заключают двусторонние соглашения [11, 12], а также региональные международные договоры. Например, ЕРКПСТСВ [13] с Дополнительным протоколом от 9 ноября 1995 г. [14], Протоколами № 2 относительно межтерриториального сотрудничества от 5 мая 1998 г. [15] и № 3 относительно сотрудничества еврорегионов от 16 ноября 2009 г. [16], ЕХМС с Дополнительным протоколом о праве участия в делах органа местного самоуправления от 16 ноября 2009 г. [17]. Кроме того, СНТЕ получают доступ к участию в деятельности ООН (Программа ООН по населенным пунктам) и региональных межправительственных организаций (Конгресс местных и региональных властей Совета Европы [18], Комитет регионов Европейского Союза [19] и др.), а также реализуют свое право на создание собственных международных неправительственных организаций (например, Объединенные города и органы местного самоуправления, созданная в 2004 г. путем объединения Всемирной федерации породненных городов, Всемирной ассоциации больших городов «Метрополис» и Международного Союза местных властей [20, с. 31–32]) и региональных сообществ («еврорегионов») [21].

Как представляется, приведенные примеры свидетельствуют о наличии международных обычно-правовых норм, касающихся международно-правового статуса СНТЕ. Содержанием подобного статуса является, как минимум, обязанность СНТЕ не нарушать международно-правовые обязательства отечественного государства (ст. 1 п. 1. Дополнительного протокола к ЕРКПСТСВ 1995 г., ст. 2 п. 1 Протокола № 2 к ЕРКПСТСВ 1998 г.

и др.), а также не выходить за рамки национальной компетенции (ст. 2 п. 1 ЕРКПСТСВ 1980 г., ст. 2 Дополнительного протокола к ЕРКПСТСВ 1995 г. и др.). Кроме того, признается право СНТЕ заключать определенные виды международных соглашений с иными субъектами права (ст. 10 п. 3 ЕХМС 1985 г.), учреждать международные неправительственные организации (ст. 10 п. 2 ЕХМС 1985 г.), органы по приграничному сотрудничеству (ст. 3 Дополнительного протокола к ЕРКПСТСВ 1995 г.) и открывать постоянные представительства за рубежом. При этом никто не ставит под сомнение право государства как суверенного правового лица контролировать международно-правовую деятельность своих СНТЕ и устанавливать их правовой статус посредством национального права и заключения двусторонних и многосторонних договоров. Поэтому в случае нарушения СНТЕ норм МП международно-правовые претензии традиционно предъявляются к самому государству.

Таким образом, с точки зрения международно-правовой нормологии не существует препятствий для признания СНТЕ особой категорией субъектов МП.

Однако всё это не снимает вопроса о природе международной правосубъектности СНТЕ. Для этого необходимо обратиться к методологии международно-правовой персонологии [22, 23].

Признание СНТЕ в качестве отдельной категории участников международных отношений, отличной от государств, позволяет говорить о социальном акторе – потенциальном носителе международной правосубъектности. При этом оригинальная персонативная правовая форма публичного территориального юридического лица возникает у СНТЕ первоначально по национальному праву. Следовательно, СНТЕ является оригинальным субъектом именно национального права. Наличие или отсутствие международно-правового статуса в принципе не влияет на осуществление главной функции СНТЕ – территориальной организации населения на различных субнациональных (локальных) уровнях в рамках национального правопорядка. Поэтому участие в международных правоотношениях является для СНТЕ комплементарным (дополнительным, факультативным), по сравнению с основной национально-правовой деятельностью. Ликвидация СНТЕ как субъекта национального права автоматически

влечет исчезновение и социального носителя международной правосубъектности. Соответственно, с точки зрения международно-правовой персонологии, международно-правовая правосубъектность СНТЕ носит, безусловно, комплементарный (неоригинальный, дополнительный, необязательный) характер. Именно поэтому государства и несут международно-правовую ответственность за противоправное поведение своих СНТЕ в рамках международно-правовой системы. «Поведение любого органа государства должно рассматриваться как деяние этого государства в соответствии с международным правом независимо ... от его характера как органа центральной власти или административно-территориального деления государства» [24].

Выводы. Таким образом, как с точки зрения правовой нормологии, так и правовой персонологии международно-правовая правосубъектность СНТЕ носит комплементарный (неоригинальный, дополнительный, факультативный) характер. Разнообразные СНТЕ действуют в пределах международного правопорядка в рамках своего национально-правового статуса как оригинальные субъекты национального права, обладающие персонативной правовой формой национального публичного юридического лица.

Список использованной литературы:

1. Nijman J.E. The Concept of International Legal Personality: An Inquiry into the History and Theory of International Law / J.E. Nijman. – The Hague: Asser press, 2004. – xviii, 494 p.
2. Parlett K. The Individual in the International Legal System: Continuity and Change in International Law / K. Parlett. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – xlii, 413 p.
3. Portmann R. Legal Personality in International Law / R. Portmann. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – xxiv, 333 p.
4. Тарасов О.В. Міжнародно-правова персонологія в контексті загальної правової персонології / О.В. Тарасов // Проблеми законності. – 2009. – Вип. 101. – С. 202-208.
5. European Charter of Local Self-Government http: Strasbourg, 15.X.1985 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/122.htm

6. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 21 мая 1980 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/106.htm>

7. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. / И.И. Лукашук. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – Т. 1: Заключение международных договоров. – 672 с.

8. Надирадзе Н.А. Федеративное устройство государств: международная правосубъектность субъектов федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Н.А. Надирадзе. – М., 2000. – 176 с.

9. A/CN.4/SER.A/1965 Yearbook of the International Law Commission. 1965. Vol. 1 (3 May – 9 July 1965).

10. Ковалев А.А. Проблемы разграничения полномочий между РФ и субъектами Федерации в вопросах заключения международных договоров / А.А. Ковалев // Московский журнал международного права. – 1994. – № 3. – С. 3-11.

11. Угода між Урядом України та Урядом Республіки Польща про міжрегіональне співробітництво від 24 травня 1993 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/616_171

12. Угода між Кабінетом Міністрів України та Урядом Російської Федерації про міжрегіональне та прикордонне співробітництво між Україною та Російською Федерацією від 27 жовтня 2010 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/643_412

13. Decaux E. La convention-cadre européenne sur la coopération transfrontalière des collectivités ou des autorités locales / E. Decaux // Revue générale de droit international public. – 1984. – Vol. 88. – P. 557-620.

14. Дополнительный протокол к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. Страсбург, 9 ноября 1995 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/Treaties/Html/159.htm>

15. Протокол № 2 к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей относительно межтерриториального сотрудничества. Страсбург, 5 мая 1998 года [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/169.htm>

16. Protocol No. 3 to the European Outline Convention on Transfrontier Co-operation between Territorial Communities or Authorities concerning Euroregional Co-operation Groupings (ECGs), Utrecht, 16.XI.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/206.htm>

17. Additional Protocol to the European Charter of Local Self-Government on the right to participate in the affairs of a local authority, Utrecht, 16.XI.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/207.htm>

18. Vedovato G. La coopération transfrontalière, les eurorégions et le Conseil de l'Europe / G. Vedovato // *Annuaire européen*. – 1997. – Vol. 43. – P. 1-23.

19. Cole T. The Committee of the Regions and Subnational Representation to the European Union / T. Cole // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. – 2005. – Vol. 12(1). – P. 49-72.

20. Левада С.Я. Вплив міжнародних спілок місцевих громад на розвиток інститутів місцевого самоврядування в національних правових системах / С.Я. Левада // *Український часопис міжнародного права*. – 2013. – № 1. – С. 29-34.

21. Alliès P. La notion d'Eurorégion et sa mise en œuvre dans l'Union européenne / P. Alliès // *Regional Autonomy and International Relations: New Dimensions of Multilateral Governance*. Ed. Carlos E. Pacheco Amaral. – Paris: Harmattan, 2011. – P. 245-255.

22. Тарасов О.В. Методологические основания правовой персонологии / О.В. Тарасов // *Проблема правосубъектности: современные интерпретации: матер. науч. – практ. конф. Самара, 27 февраля 2009 г. Вып. 7*. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2009. – С. 38-41.

23. Тарасов О.В. Правова персонологія: досвід побудови загальної концептуальної основи національного і міжнародного права / О.В. Тарасов // *Філософія права і загальна теорія права*. – 2013. – № 2. – С. 276-282.

24. A/RES/56/83 от 28 января 2002 г. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Приложение (ст. 4, п. 1).

СУД ПРИСЯЖНЫХ В УКРАИНСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Елена УРСУЛЯК,

преподаватель ОСП «Черновицкий юридический колледж»
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The article is devoted to the features and value of court of jury in the Ukrainian legal tradition. Authorities identified progenitor of jury in the history of Ukrainian law, which also carried the judiciary representatives of public: community courts of pre-state society of eastern slavs society, courts of dikasts antiquity city-states of the Northern Black Sea, vev courts of Kievan Rus and Galicia-Volyn state, «kopa» courts of Ukrainian law, «sbor» courts of Wallachian law, voight-shiffens courts of Magdeburg law courts and Cossack courts. Legal and organizational features of the functioning of juries in the Ukrainian provinces for legal statutes in 1864 are characterized. Legislative bases of formation and implementation of justice by juries at Western-Ukrainian lands within Austria, Austro-Hungary, Western Ukrainian People's Republic, the inter-war Poland, Romania and Czechoslovakia are reviewed.

Key words: jury, Ukrainian law, judicial statutes in 1864, constitution of Austria 1849.

Аннотация

В статье исследуются особенности и значение суда присяжных в украинской правовой традиции. Определены органы-предшественники суда присяжных в истории украинского права, в которых также судебную власть осуществляли представители общественности: общинные суды догосударственного общества восточных славян, суды дикастов антических городов-государств Северного Причерноморья, вервные суды Киевской Руси и Галицко-Волинского государства, копные суды украинского права, сборовые суды валашского права, войтовско-лавничие суды магдебургского права и казацкие суды. Охарактеризованы организационно-правовые особенности функционирования судов присяжных в украинских губерниях по судебным статутам 1864 г. Раскрыты законодательные основы формирования и осуществления судопроизводства судами присяжных на западноукраинских землях в составе Австрии, Австро-Венгрии, Западно-Украинской Народной Республики, межвоенных Польши, Румынии и Чехословакии.

Ключевые слова: суд присяжных, украинское право, судебные уставы 1864 г., конституция Австрии 1849 г.

Постановка проблемы. Подписание соглашения об ассоциации Украины с Европейским Союзом актуализирует историко-правовые исследования национальных и мировых достижений в области организации судебной власти, важное место в которой занимает общеизвестный демократический институт суда присяжных. Как известно, уже в ст. 124 Конституции Украины 1996 г. было предусмотрено, что народ принимает участие в осуществлении правосудия через народных заседателей и присяжных. Однако институт суда присяжных был создан только в связи с принятием Уголовно-процессуального кодекса Украины в 2012 г. Его недостатки в текущем состоянии побуждают к поискам лучших вариантов суда присяжных в истории украинского права с целью учета этого опыта в современных условиях.

Актуальность темы исследования обусловлена потребностями законодательного обеспечения правового

регулирования реформ общественной жизни в Украине с целью продолжительной и глубокой евроинтеграции.

Состояние исследования. В большинстве научных трудов история суда присяжных на украинских землях исследовалась в контексте современных проблем создания суда присяжных в Украине. Именно на историко-правовом контексте суда присяжных акцентировали свое внимание такие исследователи, как В. Кульчицкий, И. Русанова, Е. Самойленко, О. Серета, О. Сидорчук, В. Тернавска и др. Тем не менее, существует необходимость определить значение суда присяжных для украинской правовой традиции.

Цель и задачи исследования заключаются в том, чтобы определить роль суда присяжных в украинской правовой традиции, его модели и институты, которые ему предшествовали.

Изложение основных положений. Первые судебные органы на украинских землях формировались уже в до-